

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ритмичное покачивание субботнего поезда из Бишопс-Арбора до Нью-Йорка убаюкало Эмбер. Она погрузилась в блаженные раздумья, невероятно далекие от жесткой дисциплины ее рабочей недели. Она сидела у окна, откинувшись на спинку кресла и лишь время от времени открывая глаза, чтобы полюбоваться пейзажем. Она вспоминала о том, как впервые поехала на поезде — ей тогда было семь лет. Июль в штате Миссури — самый жаркий и душный месяц лета, а кондиционер в вагоне работал кое-как. Эмбер без труда представила себе свою мать, сидевшую напротив нее в черном платье с длинными рукавами — строгую, не улыбающуюся. Прямая спина, чопорно сдвинутые колени. Ее светло-каштановые волосы были, по обыкновению, стянуты в пучок, однако сегодня она надела сережки — маленькие жемчужные «гвоздики», которые она берегла для особых случаев. Эмбер так поняла, что похороны матери ее матери — это особый случай.

Когда они сошли с поезда на обшарпанном вокзале Уорренсбурга, оказалось, что воздух снаружи еще более сжатый и душный, чем был в поезде. Их ожидал дядя Фрэнк, брат матери Эмбер. Они кое-как устроились в кабине его выдавшего виды грузовичка-пикапа. Ярче всего Эмбер запомнился запах — смесь пота, грязи и сырости,

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Эмбер Паттерсон жутко надоело быть невидимкой. Она приходила в этот спортзал каждый день уже три месяца подряд, и все три месяца она наблюдала за этими бездельницами, занимавшимися тем единственным, что им не было безразлично. Они были настолько заняты самими собой, что она была готова последний доллар поставить на то, что ни одна из них не узнает ее на улице, хотя каждый божий день она находилась всего-то в пяти футах от них. Она для них была вещью — не имеющей значения, не стоящей внимания. Но ей было все равно. Плевать она хотела на всех них. Была одна причина, одна-единственная, из-за которой она таскалась сюда каждый день, к этому тренажеру, ровно в восемь утра.

Она была по горло сыта этим однообразием — день за днем она тут семь потов теряла и все ждала момента, чтобы сделать ход. Краешком глаза она заметила, как на степпере рядом с ней появились кроссовки Nike «Gold Signature». Эмбер расправила плечи и сделала вид, будто бы с интересом читает журнал, предусмотрительно положенный на пульт тренажера. Она повернула голову и

стеснительно улыбнулась стройной блондинке. В ответ она получила вежливый кивок. Эмбер протянула руку к бутылке с водой, нарочно сдвинула ногу к краю педали, пошатнулась и сбила журнал на пол. Он упал рядом с тренажером ее соседки.

— О господи. Простите, — пробормотала она, покраснев.

Но она не успела сойти с дорожки. Женщина остановила свой степпер, наклонилась и подобрала с пола журнал. Эмбер не сводила с нее глаз. Та нахмурилась.

— Вы читаете *этот* журнал? — спросила женщина, протянув Эмбер журнал.

— Да, это журнал фонда помощи больным кистозным фиброзом. Он выходит два раза в год. Вам он знаком?

— Да, знаком. А вы медик?

Эмбер потупилась и тут же вернулась взглядом к женщине.

— Нет. У моей младшей сестры был кистозный фиброз.

Она добила того, что ее слова повисли в воздухе между ней и блондинкой.

— Простите. Невежливо вышло. Это не мое дело, — сказала женщина и вернулась на свой степпер.

Эмбер покачала головой.

— Не извиняйтесь, все нормально. А у вас есть знакомые с кистозным фиброзом?

Женщина вернулась взглядом к Эмбер. В ее глазах была боль.

— Моя сестра. Я потеряла ее двадцать лет назад.

— Мне очень жаль. Сколько ей было лет?

— Всего шестнадцать. Она была на два года младше меня.

— А Шарлин только исполнилось четырнадцать.

Эмбер замедлила шаги и утерла глаза тыльной стороной ладони. Потребовалось призвать на помощь все актерское мастерство, на которое она только была способна, чтобы заплакать о сестре, которой у нее сроду не было. Три ее сестрицы были живы и здоровы, хотя она с ними уже два года не разговаривала.

Степпер ее соседки остановился.

— Все хорошо? — спросила блондинка.

Эмбер шмыгнула носом и пожала плечами.

— До сих пор тяжело, хотя столько лет прошло.

Блондинка надолго задержала на ней взгляд. Она словно бы пыталась принять решение. Немного погодя она протянула руку.

— Меня зовут Дафна Пэрриш. Может быть, нам уйти отсюда и хорошенько поболтать за чашечкой кофе? Что скажете?

— Вы уверены? Я не хочу мешать вашей тренировке.

Дафна кивнула.

— Да, мне очень бы хотелось с вами поговорить.

Эмбер одарила ее благодарной (как ей хотелось верить) улыбкой и сошла с тренажера.

— Звучит грандиозно. — Пожав руку Дафны, она представилась: — Эмбер Паттерсон. Рада познакомиться.

*

Вечером Эмбер лежала в пенной ванне, потягивая мерло и глядя на фотографию в журнале «Entrepreneur». Улыбнувшись, она отложила журнал, закрыла глаза и положила голову на край ванны. Она была очень довольна тем, как прекрасно прошел день. Она не рассчитывала, что все произойдет так быстро, но Дафна облегчила

ей задачу. После непринужденной болтовни за чашкой кофе они перешли к тому главному, что интересовало Эмбер.

— Этого не поймет тот, кто не страдал кистозным фиброзом, — проговорила Дафна, сверкая голубыми глазами. — Джулия никогда не была для меня обузой, но в старших классах подружки вечно уговаривали меня от нее отказаться, чтобы она за нами не таскалась. Они не понимали, что я никогда не знала, когда ее увезут в больницу, и если увезут, выпишут ли вообще. Каждое мгновение было драгоценно.

Эмбер склонилась к столику и всеми силами изобразила искренний интерес. При этом на подсчитывала точную стоимость бриллиантов в сережках Дафны, в теннисном браслете и кольце, сверкавшем на пальце ее загорелой и невероятно ухоженной руки. Эта дамочка носила на своей фигурке четвертого размера не меньше четырех тысяч долларов, но при этом жаловалась на несчастное детство. Эмбер с трудом справилась с желанием зевнуть и сдержанно улыбнулась Дафне.

— Понимаю. Порой я пропускала школу и оставалась дома с сестренкой, чтобы мама могла пойти на работу. Работу она чуть было не потеряла из-за того, что слишком часто приходилось брать больничный, а мы меньше всего хотели потерять медицинскую страховку.

— О, это ужасно, — покачала головой Дафна. — Это еще одна причина, почему для меня так важен фонд. Мы оказываем финансовую поддержку семьям, которые не могут позволить себе необходимое лечение и уход за родственниками. Сколько себя помню, это было важнейшей частью деятельности «Улыбки Джулии».

Эмбер разыграла изумление.

— Так «Улыбка Джулии» — это *ваш* фонд? Это та самая Джулия? Я знаю все об «Улыбке Джулии»! Я много лет читаю обо всем, что вы делаете. Я вами восторгаюсь.

Дафна кивнула.

— Я организовала фонд сразу, как только закончила школу. На самом деле первым спонсором стал мой муж. — Она улыбнулась — пожалуй, немного смущенно. — Вот так мы познакомились.

— Насколько мне известно, вы в данный момент готовитесь к большому сбору средств.

— Да, именно так. До этого еще несколько месяцев, но дел полно. Ну вот, например... ладно, это не так важно.

— Нет, расскажите, мне интересно, — настойчиво попросила Эмбер.

— Ну... я как раз о том подумала — может быть, вы захотели бы помочь. Хорошо было бы сотрудничать с человеком, который понимает...

— Я с радостью помогла бы всем, чем только могу, — прервала Дафну Эмбер. — Зарабатываю я маловато, но временем пожертвовать могу. То, чем вы занимаетесь, невероятно важно. Стоит только представить, каково это в сравнении с тем...

Она прикусила губу и сдержала слезы.

Дафна улыбнулась.

— Прекрасно. — Она вытащила из сумочки визитную карточку с ее именем и адресом. — Вот, держите. Комитет встречается у меня дома, утром в четверг, в десять часов. Сможете?

Эмбер расплылась в улыбке. Она изо всех старалась делать вид, будто не думает ни о чем, кроме кистозного фиброза.

— Ни за что не пропущу!